

С.С. Мизунов (Санкт-Петербург)

КРЕПОСТНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ НА ПРИМЕРЕ НАРВЫ, АРЕНСБУРГА И ПЕРНОВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

РАССМОТРЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ обороноспособности западных рубежей Российской империи в первой половине XIX в. имеет важное научное значение при изучении ряда вопросов, связанных как с историей Прибалтийского региона, так и с военной историей Российской империи.

Географическое положение как западных, так и прибалтийских губерний делало их стратегически важным форпостом империи. Система оборонительных укреплений от Финляндии до Польши имела одну важнейшую задачу – защитить столицу России.

Прибалтийский регион являлся важным звеном этой цепи. Сложная и противоречивая этнокультурная и управленческая ситуация здесь сложилась под влиянием ряда важных факторов, к которым несомненно следует отнести и вопрос о крепостном строительстве в период царствования Николая Первого. Именно в этот период произошли наиболее значимые изменения, имевшие важное стратегическое значение для развития региона вплоть до строительства перед Первой мировой войной Морской крепости императора Петра Великого.

Не касаясь подробно общих особенностей законодательной политики в прибалтийских и западных губерниях Российской империи в рассматриваемый период¹, сфокусируем внимание данной статьи на истории крепостей Северо-Запада Российской империи на примере трех цитаделей, находившихся на территории современной Эстонской Республики: Аренсбург, Нарва и Пернов. Отметим лишь, что, несмотря на принятое в историографии раздельное изучение истории собственно западных и прибалтийских губерний России имперского

периода, не следует резко противопоставлять имперскую политику в регионе, протянувшемуся по территории современных Литвы, Белоруссии и центральной Украины, происходившему на территориях современного латвийского и эстонского побережья Балтики. Так или иначе, включенные в состав Российской империи, эти территории имели много сходных черт в управлении. Это выразилось в первую очередь в том, что они продолжали сохранять действие присущих им законов и законодательных обычаев, принятых ранее. Под видом отмены законодательства, предшествовавшего в регионе Российскому, основные законодательные нормы прежних эпох были скопированы российскими законодателями. В Западном крае эта работа по ряду причин не была доведена до логического завершения, а в Прибалтийском генерал-губернаторстве был принят Свод Законов Остзейских губерний.

Судьба прибалтийских фортификационных сооружений в эпоху Николая I предопределила дальнейшие шаги по модернизации крепостного хозяйства на территории современных Белоруссии, Литвы и Польши. Последствия этой политики имели важнейшее значение для развития региона в целом до момента распада Российской империи.²

Отличительными чертами в судьбе крепостей Пернова, Арнсбурга и Нарвы в рассматриваемый период является отсутствие вовлеченности их в военные конфликты и общее моральное устаревание. В отличие от восемнадцатого столетия, когда упоминаемые крепости всерьез рассматривались в виде форпостов на пути к столице, в XIX в. их стратегическое значение стало постепенно снижаться. Оговоримся, что наиболее серьезную роль в регионе вплоть до Крымской войны сохраняла Ревельская крепость, но мы сознательно не рассматриваем ее историю в данный период, ибо она приняла косвенное участие в боевых действиях в период Крымской войны, три же рассмотренные нами крепости подобным испытаниям не подверглись.

Все изучаемые крепости изначально являлись орденскими замками времен Ливонской войны, что косвенно заметно в эстонском названии данного вида фортификационных сооружений – *ordulinnus* (орденский замок).

Важно отметить существенный момент, связанный с административным подчинением городов, в которых были расположены данные крепости. Город Нарва на всем протяжении существования

в границах Российской империи являлся составной частью Санкт-Петербургской губернии, но не Эстляндской. Примечательно также, что в период царствования Павла I Нарва специальным указом не относилась ни к какой губернии, занимая исключительное положение. Павел также вернул городам Прибалтийского края утраченные ими в предыдущее царствование законодательные права и особенности (в частности, в городах региона вновь появились гильдии и цехи. При этом ментально Нарва была ближе именно к губернии Эстляндской. Вопрос о подчинении Нарвы остро дискутировался в 1860 г. (за несколько лет до упразднения Нарвской крепости) в Министерстве внутренних дел. Эстляндский губернатор Суворов предлагал включить Нарву с предместьями (среди них особенно выделялись Ивангород и Гунгенбург) в состав Эстляндской губернии и тем самым соединить ее на карте в единое целое с исторически более близкой для нее областью – Эстляндией³. Однако возобладаало мнение графа Блудова о том, что в этих предместьях (особенно в Ивангороде) проживает преимущественно русское население, которое не дорожит особыми правами Нарвы, пожалованными ей на основании шведских привилегий и сохранявшими действие на территории Российской империи. Этот пример косвенно доказывает, что в законодательном плане Нарва все же рассматривалась имперскими властями как часть своеобразного «остзейского мира» в границах российской Прибалтики.

Двойственность административно-территориального положения Нарвы, с одной стороны, и особенностей действовавшего на ее территории законодательства, с другой, привела и к особому положению Нарвской крепости в ряду соседей по региону.

В военном смысле Пернов и Аренсбург изначально подчинялись Лифляндскому округу, и лишь Нарва относилась к Петербургскому, что было следствием нахождения Нарвы в составе Санкт-Петербургской губернии.

С учетом вышеописанных административных особенностей Нарвы в первой половине XIX в. получила дополнительное развитие и Нарвская крепость, которая, по сути, с начала XVIII в. перестала выполнять свою прямую, оборонительную функцию.

В отсутствие реальной военной угрозы в регионе деятельность Нарвской цитадели ограничивалась вопросами перманентного жизнеобеспечения и поддержания боеспособности крепости на случай, если нападение все же произойдет. Следует также отметить, что

в период существования Российской империи два крепостных хозяйства – в Ивангороде и Нарве – по сути представляли собой единое целое.

Анализ переписки крепостной артиллерии в Нарве в этот период ярко показывает характер озабоченности командования вопросами строительства на территории цитадели⁴. Постоянно идет речь о замене гнилых пушечных сараев новыми каменными. Этот перманентный характер ремонтных работ в цитадели не должен навести на мысль о пустой трате денежных средств на содержание крепости, ибо власть отчетливо осознавала необходимость поддержания ее боеспособности. Так, в частности, был поднят вопрос о «неисправлении в Нарвской крепости Ивангородских башен».⁵ Планировалось перенести порох в восемь башен на территории Ивангородской крепости, но в связи с их давним запустением и наличием свободного места собственно в Нарвской цитадели это решение не было приведено в жизнь.

Из архивных документов видно, что Нарвскую крепость на протяжении всего царствования Николая I старались активно модернизировать. Веяния времени выразились, в частности, в повелении императора, состоявшемся в 1845 г. Отныне запрещалось строить на территории Нарвской крепости деревянные дома, при постройке или перестройке каменных строений стало необходимо придерживаться готического стиля, «дабы сохранить и применяться сколь можно более древности существующих там зданий».⁶

Судя по объемам переписки о деятельности Нарвской крепости и ее разноплановости, можно сделать вывод о большем значении ее для имперской власти в сравнении с двумя другими ведущими крепостями данного региона, сохранявшими значение во второй четверти XIX в. – Перновом и Аренсбургом. Именно это обстоятельство сыграло важную роль в сохранении крепости до начала 1860-х гг. в боеспособном состоянии. Административно крепость прекратила свое существование вместе с Ревельской, после чего закончилась история крепостей Прибалтийского региона, начавшаяся еще в Средние века.

Отсутствие военной угрозы для региона непосредственно в 1830-е гг. заставило по-новому расставить акценты имперской политики в крепостном строительстве Прибалтийского края и направить основные силы и средства на модернизацию укреплений Ревеля, где начиная с 1810-х гг. расширилась площадь крепости за счет

территории, ранее занятой представителями местного еврейского населения, а в 1830-е гг. была построена Батарейная тюрьма, остававшаяся главным пенитенциарным учреждением в городе до конца существования Российской империи (закрыта в 1995 г. и до этого была самой большой в Таллине).

В Аренсбурге и Пернове в данный период были проведены работы по срытию большей части укреплений в связи с их объективной ненужностью. Стратегическое значение потеряла не только Перновская крепость, на берегу Перновского (Пярнуского) залива, но и находившаяся на острове Эзель (Сааремаа) Аренсбургская крепость, несомненно, главный стратегический объект на Моонзундских островах на момент описываемых событий.

В частности, документы архива ВИМАИВиВС указывают на продажу чугуна по рублю за пуд из имущества бывшей крепости в Аренсбурге. Крепость здесь была упразднена в 1834 г., и все годное артиллерийское имущество было передано действующим крепостям, негодное же попытались продать на аукционных торгах. Желающих купить непригодные чугунные пушки, снаряды и колеса не нашлось, и чугун был «сдан для хранения в гражданское ведомство». ⁷ Продать его предлагалось прямо на острове Эзель, ввиду затратности на перевозку на материк. А в случае продажи чугуна уже на материке предполагалось продать его уже за 1 рубль 50 копеек за пуд. Причем подобные продажи негодного чугуна не были экстраординарным событием для действовавших крепостей Северо-Запада империи. На страницах процитированного документа в качестве сравнения приводится информация о подобных продажах в Кронштадте, Выборге, Вильне, Ревеле, Риге, Динамюнде, Вильманстранде и Пернове ⁸.

Вопрос вызывает продажа чугуна из Аренсбурга в Пернов, при том, что и в Пернове крепость была ликвидирована за ненадобностью уже в 1835 г. Личный состав из Аренсбурга были также изначально переведен именно в Пернов и уже после упразднения там крепости – в Новогеоргиевск (так с 1834 г. стала называться польская крепость Модлин). Все это может указывать на непоследовательность в действиях имперской администрации. Мы склоняемся к версии о том, что в ходе протекавшей в этот момент быстрой модернизации Ревельской крепости постепенно приходило осознание необходимости уничтожения рассматриваемых крепостей. Все же именно Ревель считался главным форпостом на пути к Санкт-Петербургу, и поэтому этой крепости придавалось ведущее значение в Остзейском регионе.

Притом стратегическая роль Ревеля во второй четверти XIX в. значительно возросла в сравнении с двумя крепостями в окрестностях Риги, что нашло свое отражение в успешной модернизации береговых батарей на Ревельском заливе и впоследствии помогло отразить нападение английского флота в Крымскую войну.

В самой Перновской крепости, которая к 1835 г. была исключена из числа штатных, начался процесс уничтожения ее остатков. Городские власти приняли на себя управление крепостными верками и казенными военными зданиями без обязательства осуществлять текущий ремонт этих построек, и вместе с тем на них легла обязанность предотвращать разрушение бывшей крепости и ее разорение местными жителями. Река Пернова (Пярну) в 1836 г. была соединена с крепостным каналом, однако благоустройство мостов через него стоило городу значительных сумм, по заверениям магистрата. Наличие крепостных сооружений лишало город значительных площадей под застройку частным сектором. Но при этом с западной и южной стороны крепостные верки выполняли функцию защиты Пернова от наводнений. Вместе с тем в случае сноса остатков укреплений город расширялся в два раза. Надобность в дальнейшем существовании верков была отвергнута городскими властями ввиду их постепенного разрушения. Наиболее пригодные для использования здания на территории бывшей крепости перестраивались под гражданские нужды, более того, сохранявший торговое значение Пернов остро нуждался в новых территориях. Наличие крепостных сооружений объективно мешало реализации проекта соединения Чудского озера с Балтийским морем через систему Феллинских озер⁹.

Ожесточенные споры магистрата и инженерного департамента Военного министерства показывают неуверенность представителей последнего в необходимости полного уничтожения крепости. Они считали необходимым сохранить крепостные верки для возможного приведения крепости в боевую готовность в будущем. На этом основании городскому магистрату на первых порах было отказано в полном сносе остатков крепости. Через четверть века, в 1859 г., комитет по защите берегов Балтийского моря поддержал ходатайство тогдашнего Прибалтийского губернатора Александра Аркадьевича Суворова о сносе верков Перновской крепости и мостов около въездных ворот в крепость. Мнение Суворова было основано на том, что крепость не была задействована в боевых действиях на Балтийском театре военных действий в Крымскую войну и фактическая не-

обходимость в ней отпала.¹⁰ Уже в эпоху следующего царствования (в 1864 г.) был окончательно разработан проект полного срытия крепостных укреплений, и на это были выделены необходимые финансовые средства. Необходимо заметить, что деньги на снос последней части крепости были выручены от сдачи в наем домов, выстроенных на месте, освободившемся после завершения первой части работ по сносу крепости. Но и здесь город столкнулся с трудностями по части ширины улиц на месте бывших крепостных стен. Они были меньше 10 саженей шириной, что противоречило действовавшему тогда Строительному уставу. Предлагалось их расширить с 4 до 6 саженей, но в итоге было принято решение не расширять их вовсе. Ширина более 6 саженей могла помешать компактной застройке улиц на месте бывших укреплений. Однако, эти улицы не играли серьезной роли в городском сообщении и остались без расширений и существенных перестроек. Итоги этих решений предопределили внешний вид старой части Пярну и по сей день.

В эпоху после Польского возмущения 1830–1831 гг. основным стратегическим направлением на западных рубежах Российской империи стала Польша и часть современных Белоруссии и Латвии (с крепостями Брест-Литовск, Бобруйск и Динабург). Большинство этих крепостей или были заложены, или продолжали активно отстраиваться в 1830-е гг. Приморское же направление крепостного строительства в Балтийском регионе в этот период стало жертвой постепенного смещения акцентов в сторону Литвы и Польши, где оно продолжалось до падения монархии в России намного более серьезными темпами, нежели на берегах Балтийского моря. После начала милютинской военной реформы последние крепости в регионе (Нарва и Ревель) прекратили свое существование.

Стоит заметить, что в связи с практически полным уничтожением Перновской крепости, частичным сносом и уничтожением (на протяжении всего XIX в.) укреплений в Ревеле (Таллине) и практически полным разрушением Нарвы в годы Второй мировой войны именно Арнсбургская крепость является единственной в регионе, которая сохранилась до XXI в. практически в первозданном виде.

Понимание особенностей крепостного строительства позволяет лучше понять градостроительные традиции Прибалтийского края Российской империи, а также оценить важнейшую роль в деле защиты Санкт-Петербурга. Наиболее активно эта функция выполнялась в восемнадцатом столетии. С началом сепаратистских выступлений

в литовских губерниях и Царстве Польском в 1830-е гг. основная часть сооружений, защищающих западные границы, была перенесена именно туда, во многом в ущерб Прибалтийскому региону. Но уже перед Первой мировой войной вернулась к жизни идея о ведущей стратегической роли балтийских городов. Первая половина XIX в. стала важнейшей вехой в крепостном строительстве на западе империи, и недооценивать этот во многом спокойный период истории Прибалтики ни в коем случае нельзя.

¹ Нольде А.Э. Очерки истории кодификации местных законов при графе Сперанском. Вып. 2. СПб.: Сенатская типография, 1913.

² РГИА. Ф. 1286. Оп. 17. Д. 986. Л. 77, 78.

³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Крепостная. Д. 3669.

⁴ Там же. Л. 4, 4 об.

⁵ Там же.

⁶ РГИА. Ф. 1287. Оп. 31. Д. 1037. Л. 1.

⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 5. Оп. 4. Д. 78.

⁸ Отметим здесь принципиальную разницу между двумя близко расположенными крепостями в Риге: Рижская цитадель – в пределах Старой Риги, а Дюнамюнде – на берегу Рижского залива в районе нынешнего района Болдерая.

⁹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 1275. Л. 1–3.

¹⁰ Там же. Л. 19–21 об.